

Столичная киноакадемия и Столичная театральная академия уже много лет соперничают друг с другом, у каждой есть свои плюсы и минусы, но если говорить о популярности, то Столичная киноакадемия слегка опережает. Однако Чэн Кэ шел туда не ради славы, а потому что преподаватели актерского факультета там были настоящими звездами. Один из них, в прошлой жизни, благодаря его книгам Чэн Кэ смог понять основы актерского мастерства, и он испытывал к нему чувство благодарности, поэтому хотел встретиться с ним лично.

— Ладно.

Немного разочарованно сказал Ци Фэн, но сразу же оживился.

— Давай обменяемся контактами. Ты мне очень понравился, и твоя игра тоже. Может, в будущем сыграем вместе в одном фильме.

Чэн Кэ улыбнулся, оставил ему свой номер телефона, и они разошлись.

Дядя Цян ждал его. Чэн Кэ сел в машину, схватившись за живот. Он не позавтракал, и желудок снова начал болеть. Он вздохнул, думая, что, может, стоило съесть пару конфет, которые дал Ци Фэн.

— Что, опять желудок болит?

— Угу, не позавтракал, внутри горит.

Дядя Цян протянул ему небольшой пакетик и завел машину. Чэн Кэ открыл его и обнаружил, что внутри было несколько слоев, чтобы запах не распространялся по салону. Он почувствовал себя неловко, ведь в прошлой жизни он не любил есть, и в машине никогда не было еды. Дядя Цян, видимо, помнил об этом и старался быть осторожным.

Чэн Кэ усмехнулся:

— Дядя Цян, давай в машине всегда будем держать что-нибудь перекусить, хоть закуски. Может, почувствую запах и съем.

Дядя Цян улыбнулся, глядя в зеркало заднего вида, и кивнул. Весь дом из кожи вон лез, чтобы заставить молодого господина поесть, но в последнее время его лицо действительно стало более округлым, и это радовало.

После обеда у Чэн Кэ не было дел, и он снова отправился в школу. Придя туда, он узнал, что Чэн Цзыюэ и Ван Шаовэнь «случайно» сломали его парту.

В прошлой жизни Чэн Кэ, наверное, взорвался бы от злости, но теперь это казалось ему смешной детской выходкой. Чэн Цзыюэ и Ван Шаовэнь снова объединились. В прошлой жизни они тоже вместе издевались над ним, и теперь стало ясно, что подобные люди всегда найдут друг друга. Как говорится, птицы одного полета.

Чэн Кэ сел на свой стул, не показывая ни капли гнева. Рядом с ним Ван Шаовэнь с улыбкой сказал:

— Извини, Чэн Кэ, мы баловались и случайно сломали твою парту. Кстати, я уже сказал классному руководителю, он обещал быстро найти тебе новую.

Он извинялся, но на его лице читался явный вызов. Ван Шаовэнь, казалось, изо всех сил

старался выглядеть как можно более неприятно. Но Чэн Кэ не хотел с ним связываться. Драться с такими слабаками было бессмысленно. Чэн Кэ сидел в тюрьме, и это была тюрьма для особо опасных преступников. Чтобы выжить там, нужно было уметь постоять за себя.

Он провел там три года. В первый год его избивали бесчисленное количество раз. Однажды один из заключенных попытался на него напасть с явно непристойными намерениями. Чэн Кэ, вне себя от ярости, схватил палочки для еды и вонзил их ему в глаз.

Он слушал его крики, без эмоций вытащил палочки и так же хладнокровно вонзил их в другой глаз.

Тот человек умер, но в тюрьме для особо опасных преступников смерть была обычным делом. Никто даже не сообщил об этом. С тех пор никто больше не смел трогать Чэн Кэ.

В той тюрьме каждый месяц кто-то умирал, и Чэн Кэ провел в этом аду три года. Когда он вспоминал об этом, ему становилось смешно, потому что позже он узнал, что попал в эту тюрьму благодаря своему брату Чэн Цзыюэ. Иначе он бы оказался в обычной тюрьме, где просто отбывал бы наказание.

Чэн Цзыюэ отдал несколько миллионов, чтобы Чэн Кэ, участника драки, отправили в тюрьму, где сидели почти исключительно убийцы. Он действительно постарался. Чэн Кэ усмехнулся, он уже привык к этой мысли, потому что больше не злился. Но отсутствие гнева не означало, что он позволит себя обижать. Напротив, в прошлой жизни он был мстительным, и в этой жизни ничего не изменилось.

Чэн Цзыюэ подошел к нему с крайне извиняющимся выражением лица:

— Прости, брат.

Чэн Кэ улыбнулся:

— Ничего страшного, просто будь осторожнее в будущем. Учись, а не играй.

Чэн Цзыюэ кивнул, но внутри он был крайне недоволен. Он и Ван Шаовэнь рассчитывали, что Чэн Кэ разозлится и устроит скандал, возможно, даже сломает их парты. Тогда все трое оказались бы у классного руководителя или завуча, а они уже заранее извинились, так что виноватым оказался бы Чэн Кэ, особенно после их «извинений».

Но вместо этого Чэн Кэ улыбнулся и простил их. Разве он не был самым вспыльчивым?

План провалился, и все видели, как Ван Шаовэнь вел себя, что только усилило неприязнь к нему. Что касается Чэн Цзыюэ, за неделю он успел завоевать немного симпатии, но теперь все снова его возненавидели.

Внебрачный ребенок, лучше бы сидел тихо, но он продолжал устраивать эти глупости, вызывая только отвращение.

Зато все стали еще больше симпатизировать Чэн Кэ. Он и так был симпатичным, щедрым, а теперь его характер казался идеальным. И что-то в его манере изменилось, он стал более спокойным и уверенным.

Думая, что эти перемены могли быть вызваны Чэн Цзыюэ, люди стали ненавидеть его еще сильнее.

Чэн Цзыюэ не добился своего, и его презрение к Чэн Кэ слегка поутихло. Он понял, что Чэн Кэ не был тем глупым мальчишкой, о котором говорила его мать Чжао Чжиман. По крайней мере, Чэн Кэ был не глупее его. Тогда, подумал Чэн Цзыюэ, придется использовать другие методы.

Однако, если Чэн Кэ не злился, другие были в ярости. Особенно Цзян Хао, а Чжэн Сяочэнь тоже не мог сдержать гнева. Фэн Шоуци успокоил их, ожидая, когда Чэн Кэ вернется и все уладит.

Они хотели вместе с Чэн Кэ избить Чэн Цзыюэ и Ван Шаовэня, но Чэн Кэ, похоже, вообще не придавал этому значения. Услышав его спокойный тон, они чуть не упали в обморок. Неужели тот вспыльчивый Чэн Кэ действительно повзрослел?

Они переглянулись и сразу же возненавидели Чэн Цзыюэ еще сильнее. Наверное, он доставил Чэн Кэ столько неприятностей, что тот стал таким зрелым.

Цзян Хао и Чжэн Сяочэнь снова посмотрели друг на друга и встали. Фэн Шоуци последовал за ними, беспокоясь:

— Эй, вы опять балуетесь в классе, будьте осторожнее, не задевайте других.

Цзян Хао легонько ударил Чжэн Сяочэня по плечу, но сила удара была минимальной. Остальные поняли их намерения и тоже встали.

Чэн Кэ, конечно, понял их замысел, но не стал останавливать. Тогда Цзян Хао и Чжэн Сяочэнь разошлись еще сильнее. Чэн Кэ не мог действовать открыто, но они не стеснялись. Вскоре их «игра» докатилась до Чэн Цзыюэ.

Чэн Цзыюэ хотел отступить, но Цзян Хао, якобы целясь в Чжэн Сяочэня, «случайно» ударил его.

— Ой, блин, Чэн Цзыюэ, извини, промахнулся. Мы просто играем, наверное, не больно?

Фэн Шоуци добавил:

— Разве от игры может быть больно? Но хватит баловаться, вы уже Чэн Цзыюэ задели.

Кто-то еще попытался толкнуть Чжэн Сяочэня, но тот ловко увернулся, и в итоге Чэн Цзыюэ оказался на полу.

Сзади кто-то крикнул:

— Хватит баловаться, впереди уже несколько человек упали.

Чэн Цзыюэ не мог ничего сказать. Только он знал, как сильно ударил его Цзян Хао. Затем его сбили с ног, и несколько человек навалились на него, притворяясь, что это просто игра.

Чжэн Сяочэнь подошел, якобы чтобы помочь, но тайком ударил Чэн Цзыюэ еще несколько раз. Цзян Хао тоже не отставал. Когда учитель вошел, он увидел, как группа учеников, казалось, издевается над Чэн Цзыюэ, и громко крикнул. Все встали, а Фэн Шоуци сказал:

— Учитель, мы просто играем, правда, Цзян Хао?

— Да, мы с Чжэн Сяочэнем баловались, а они присоединились.

<http://bllate.org/book/16558/1510999>